

Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачёва (1773–1775) в государственно-правовой концепции региональной (южно-уральской) идентичности (к 240-летию начала войны)

А.Г. Палкин, к.ю.н., Институт степи УрО РАН, г. Оренбург

С целью проведения объективной научной дискуссии по современным проблемам российского федерализма и регионализма, лежащих на стыке истории и теории государства и права, истории политических и правовых теорий, а также конституционного права, настоятельно требуется изучение историко-правовых коллизий и прецедентов, имевших место в отечественной истории, в свете новейших государственно-правовых концепций. В данном контексте одним из ярчайших и показательных феноменов как на государственном, так и региональном уровне выступает пугачёвщина.

Пугачёвский бунт характеризовался грандиозным всплеском насилия, длившегося больше года и затронувшего сотни тысяч человек на

нескольких тысячах квадратных километров. В Европе XVIII в. пугачёвщина до 1789 г. была самым длительным, самым масштабным и самым разрушительным выступлением против основ старого порядка. Это обстоятельство ставит пугачёвский бунт в один ряд с революциями, охватившими Европу и Америку в последние десятилетия XVIII в. В 1767 г. Екатерина II с гордостью провозгласила Россию европейским государством. Грандиозное восстание, потрясшее её трон шесть лет спустя, по-своему подтвердило правоту этого утверждения императрицы. Россия действительно вошла в эпоху революционных выступлений Нового времени.

На первый взгляд Пугачёв выглядит белой вороной в ряду благородных вождей «века демократических революций» в других странах. Он больше похож на разбойника, чем на Ва-

шингтона, Джефферсона, Берка, Вольтера или Иосифа II. В то время как пресса Западной Европы и Северной Америки считала русского повстанца дворянином, Екатерина II откровенно насмеялась над «маркизом де Пугачёвым». Сравнение бунта на восточных окраинах западной цивилизации с началом другого народного выступления на противоположной части европейского мира – американской революцией – может показаться бессмысленным. Их движущие силы, состав, организация, руководство, программа, продолжительность и итоги абсолютно несопоставимы. Но американская революция и восстание Пугачёва обладают удивительным сходством: оба эти движения нанесли мощные удары по старому режиму с его представлениями об общественном устройстве, основанном на привилегиях дворян. Хотя Пугачёв потерпел поражение, он с удивительной силой обнажил ограниченность и изъяны «просвещённой» общественной программы Екатерины Великой.

На наш взгляд, используя классификацию революций Крейна Бринтона [4], пугачёвщину можно считать неудавшейся революцией с элементами территориально-национального восстания. Восстание Пугачёва было региональным, ограниченным в основном российской юго-восточной границей и примыкавшими к ней землями. Оно никогда не было общенациональным движением. Ни казаки, ни башкиры не составляли гражданскую нацию в современном смысле этого слова. Они боролись за свою автономию в составе Российской империи, а не за национальную независимость.

Исходя из данных выводов, согласимся с более точной дефиницией Роберта Форстера и Джека Р. Грина, которые, основываясь на исследовании Марка Раеффа, определили пугачёвщину как «крупное региональное восстание с ограниченными возможностями, не переросшее в революцию», хотя сам Раефф отмечает его пограничный и казачий характер [5, 6]. Обе эти оценки имеют право на существование.

Опираясь на теорию Чалмерса Джонсона [7], попытаемся выяснить, каковы были цели восстания, возглавлявшегося Пугачёвым. Первоначально казаки хотели изгнать царскую администрацию из Яицкого городка и восстановить свой автономный статус в составе Российской империи. Поскольку первая их атака на Яицкий городок потерпела неудачу, они обратили свои взоры на Оренбург, олицетворявший царскую власть в регионе. Далее восстание перекинулось на Урал и соседние регионы, где имелись дополнительные силы и оружие для осады Оренбурга. Затем, особенно после присоединения к восстанию башкир, целью повстанцев стало уничтожение царской власти и её сторонников в регионе. Позднее повстанцы призвали

к массовому истреблению дворянства. Этот период характеризовался также множеством жертв, как среди повстанцев, так и среди их противников. Не стоит воспринимать всерьёз туманные угрозы Пугачёва идти на Москву или на Санкт-Петербург – это никогда не было целью восстания. Не была целью пугачёвцев и Казань. Повстанцы оказались у её стен случайно, застав город врасплох.

Кем были пугачёвцы? Зачинщики восстания и его руководители являлись простыми казаками. Их этническая принадлежность и социальное происхождение отличаются чрезвычайной пестротой. По религии (старообрядчество) и укладу жизни они отличались и от соседних кочевников, и от русского населения. Однако территория, экономика и тесные отношения с империей связывали их с тюркскими кочевниками и калмыками, православными и мусульманскими крестьянами. Эти связи были как бы кузнечными мехами, с помощью которых казаки могли раздуть свой маленький повстанческий костёр в огромный региональный пожар. Они успешно привлекали на свою сторону местное население, хотя, очевидно, неосознанно. Ясно, что восстание Пугачёва было массовым стихийным движением. Как правило, его лидерами являлись крестьяне в широком смысле этого слова.

Яицкие казаки вошли в состав Русского царства в 1591 г. не полностью и, подобно жившим севернее башкирам, ещё помнили о своей былой независимости. Их отношения с казахами и пример калмыков, ушедших в 1771 г. в Китай, лишней раз свидетельствовали о политической нестабильности на степной границе. Но, как только казацкие повстанцы отважились двинуться в глубь страны, их воинский дух и боеспособность ослабли. Случайный успех Пугачёва в Казани не должен заслонять тот факт, что действия повстанцев на севере практически всегда были неудачными. Если их последний марш в Поволжье воспринимался властями и русским дворянством как нашествие, то для самих мятежников он был бегством. В этом походе казаков сначала покинули их временные спасители – башкиры, а в финале и поволжские крестьяне. У казаков всегда были исключительно локальные цели, и они не помышляли о всеобщем восстании.

Один из ведущих советских специалистов по данной проблеме, профессор В.В. Мавродин, полагал, что отказ Пугачёва осенью 1773 г. идти в глубь страны и его стремление захватить Оренбург не были ошибкой, поскольку именно в этот период восстание превратилось в региональное движение, а повстанцы создали для себя территориальную базу. Кроме того, отмечал Мавродин, у Пугачёва тогда не было выбора. Казаки хотели сокрушить Оренбург как бастион царизма в

своей среде, что характерно для крестьянской войны. Вероятно, поэтому они воевали против Яицкого городка и отказались идти на Москву после захвата Казани [1, 2].

Обращения повстанцев учитывали состав населения, и поэтому их призывы к казакам, туземцам, крестьянам, горожанам, староверам и т.д. не были одинаковыми. Пугачёв в своих публичных заявлениях иногда изображал из себя пророка, обещая восстановить старую веру и избавить страну от засилья иностранных порядков.

Пугачёвский бунт разом разрушил столь тщательно создаваемый Екатериной II образ просвещённой, процветающей, прогрессивной России. Разграбленные дворянские усадьбы и повешенные на воротах их владельцы опровергли неуклюжие заверения властей о дружбе между помещиком и крестьянином. Восстание сорвало с имперского правительства маску, и оно предстало перед миром в качестве лицемера, громко трубившего о согласии и равенстве прав всех граждан, а на практике установившего над большинством собственного населения тиранию дворян и дворянской военщины.

Институты, способствовавшие формированию у различных социальных классов чувства политического единства, в стране отсутствовали. «Между крестьянской Россией и правительством страны не было никакого диалога и не существовало основ и механизмов для политического компромисса» [8]. Поэтому страна оставалась политически нестабильной, её эволюция была проблематична, а будущее — неясным. В царской империи самодержавный деспотизм и народная анархия были странными, но взаимодополняющими друг друга партнёрами.

Теперь рассмотрим Крестьянскую войну под предводительством Е.И. Пугачёва в свете концепции региональной идентичности пермского писателя и философа А.В. Иванова. На каждой территории есть свой наиболее эффективный способ хозяйствования. Он образует свой социум, который в свою очередь формируется вокруг какой-то одной или двух ценностей. И всю Россию можно рассматривать не как цельный организм, деградирующий от центра к окраинам, а как систему из разных идентичностей. Есть, например, южно-уральская идентичность, казачья. На Южном Урале самый эффективный способ построения территорий — казачьи поселения, потому что там есть сельское хозяйство и свобода от крепостной зависимости. Потому что там вечная вражеская угроза и крестьянские войны. И казачья идентичность формируется вокруг главной ценности — свободы и равенства.

Различные идентичности — это не разные миры, это не разные страны, это разные варианты одного и того же русского мира. Если говорить в философском смысле, то для каждой

идентичности есть своя главная ценность, то, что их объединяет. Ценности у всех разные: у рабочих — труд, у казаков — справедливость, у сибиряков или северян — предприимчивость, у националистов — традиция. Главное, что объединяет русское пространство, — это то, что для всех свобода является ценностью номер два. Вот на этом и базировалась всегда Российская империя — на поспрании идей свободы, поскольку региональная идентичность не ставит свободу во главу угла, как ставит европейский социум. Поэтому империя жизнеспособна.

Пугачёвщину оценивали неодинаково. Даже Екатерина сказала: «Предадим забвению». И реку Яик переименовали в Урал. А Пушкин вспомнил и подал эту историю как борьбу черни против знати. Действительно, Пугачёв хотел казаков сделать новой элитой России — сформировать казачью Россию. Для советских историков это была война угнетённых и угнетателей, или классовая война. На нынешнем этапе, уже в XXI в., можно говорить о пугачёвщине как о войне идентичности. Когда каждый социум воевал за собственную идентичность — за право жить так, как он хочет. Например, уральские заводы Пугачёва не поддержали. Они выступили против него. На заводах, разумеется, трудились рабочие, но было огромное количество чёрной работы, в которой использовать заводских было экономически невыгодно. Т.е. рубить лес, возить грузы, копать руду. И действовала система приписки. Это когда огромное количество деревень было приписано каждому заводу и крестьяне занимались этими работами. В итоге крестьяне восстали и пошли разрушать те самые заводы. А рабочие сами, без войск, без начальства обороняли свои предприятия, потому что это был их хлеб. Это была война идентичностей. И если нам в школе говорят, что Пугачёв нёс свободу, ничего подобного. Половина мятежников были башкирами и калмыками, которые были свободны, оставшиеся были казаками, которые были лично свободны.

Для России единственный способ выживания — это возвращение к политическим свободам, которые за собой потянут экономические. Экономические свободы потянут за собой восстановление идентичности. И только восстановленная идентичность сделает Россию привлекательной для мира.

Но у Пугачёва были и наследники. Его имя и дела сохранялись в фольклоре, о нём шептались в семьях дворян, громко кричали грабители и разбойники [3]. Произведения А.С. Пушкина на эту тему, санкционированные самим Николаем I, получили широкую известность у читающей публики начиная с 1830-х гг. С 1840-х гг. радикальная интеллигенция рассматривала это восстание как свидетельство исконности русского

радикализма. Радикалы типа Михаила Бакунина (1814–1876) считали восстание Пугачёва доказательством того, что крестьянство может стать источником революции в России. Народники 1860-х и 1870-х гг., вдохновлённые этими идеями, организовали что-то вроде «пугачёвщины наоборот», идя в деревни поднимать крестьян на борьбу с царизмом. Их наследники, социалисты-революционеры начала XX в., продолжали верить в революционный потенциал крестьянства. Это же мнение разделяли различные анархистские группы 1890-х гг. Нестор Махно, яркий представитель украинских крестьян-анархистов периода Гражданской войны в России, имел столько же прав на идейное наследие Пугачёва, сколько последователи Ленина. То же можно сказать и об антисоветских крестьянских повстанцах Тамбовской губернии в 1920 г., и о тех, кто поднял Кронштадтское восстание в 1921 г. Даже Мао Цзэдун, вероятно, может претендовать на часть целей Пугачёва. Поэтому наследие Пугачёва не может целиком принадлежать какой-то одной группе.

Пугачёв, конечно, как и все его современники, хорошо знал о Разине, его атаманах и казаках, слышал предания о нём, пел, может быть, песни об удалом сыне Дона. Он действовал в тех местах, где за сто лет до этого воевали с царскими войсками Разин и разинцы. Пугачёв, собственно говоря, продолжил дело Разина, Болотникова, Булавина и других борцов за народную долю.

В середине XIX в. грозный призрак пугачёвщины, витавший над российским дворянством, несомненно, ускорил падение крепостного права. Ещё в начале XX в., как отмечал В.И. Ленин, русским помещикам мерещились вилы и топоры повстанцев Разина и Пугачёва. Их далёкие потомки в новых исторических условиях и на качественно ином, гораздо более высоком уровне организации и идейной оформленности довели до конца борьбу с эксплуататорами в октябре 1917 г. Многие люди воздают должное народной борьбе Пугачёва и пугачёвцев. В 1985 г. в Саранске был построен единственный в мире памятник Е.И. Пугачёву. Мы считаем, что и на территории города Оренбурга пора увековечить славное имя Пугачёва. Имя и дела его стали одной из самых выдающихся страниц истории Отечества, деяний наших великих предков.

Литература

1. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: восстание Е.И. Пугачёва. Л., 1961. Т. II. Введение, гл. I.
2. Пронштейн А.П. Решённые и нерешённые вопросы истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 161.
3. Песни и сказания о Разине и Пугачёве. Л., 1935.
4. Brinton С. The Anatomy of Revolution. New York, 1938 (пересмотренное изд. 1952). P. 22–25.
5. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Robert Forster and Jack P. Greene (eds.). Baltimore; London, 1970. P. 12, 194.
6. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Pugachev's Rebellion. Baltimore; London, 1970. P. 161–202.
7. Johnson Ch. Revolution and the Social System. Stanford, 1964. [Hoover Institution Studies, no. 3].
8. Emmons T. The Peasant and the Emancipation // The Peasant in Nine-teenth-Century Russia. Stanford, 1968. P. 69.